

Н.Н. Аблажей

ПАСПОРТИЗАЦИЯ КУЗБАССА В 1933 Г.¹

N.N. Ablazhey

INTRODUCING OF THE PASSPORT SYSTEM IN KUZBASS IN 1933

Аннотация. Статья посвящена истории паспортизации Кузбасса в 1933 г. Разбирается практика деления территорий на «режимные» и «нережимные». Показано, что получившие статус режимных городов Сталинск, Прокопьевск, Ленинск и Анжеро-Судженск стали таковыми в силу того, что население было занято в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Остальные города и поселения городского типа, а также зона отчуждения железной дороги получили статус нережимных. Доказано, что в период проведения паспортизации наблюдался самовольный отток населения, кроме того, имели место принудительные выселения. В научный оборот вводится комплекс архивных материалов органов милиции, позволивших описать цели и механизм кампании, выявить ее региональную специфику, оценить количественные параметры паспортизации.

Ключевые слова: Кузбасс, урбанизация, паспортизация, режимный город.

Динамика прироста населения крупных городов, начавшаяся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившаяся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсивным промышленным строительством, не могла не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалось установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. И к тому были основания: если в 1931 г. городское население составляло 31,8 млн чел., то в 1932 г. – 35,6, а в 1933 г. – почти 38,4 млн чел.

¹ Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

В целом в 1926–1939 гг. среднегодовой миграционный прирост в городах превышал 2,5 млн чел. [Прокопович, 1952. С. 102.]. Пиковое значение в 4,1 млн отходников зафиксировано в 1931 г. [Прокопович, 1952. С. 68]. Наиболее динамичная ситуация была в столицах, крупных городах и городах-новостройках, где рост населения за период 1926–1933 гг. увеличился в среднем в 2 раза [Прокопович, 1952. С. 102]. Так, например, в течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в 1,5 раза, а некоторые территории, в частности Кузбасс, демонстрировали одни из самых высоких темпов урбанизации в стране [Исупов, 2018. С. 17].

Миграция в города привела к появлению избыточной рабочей силы и высокой текучести населения, обострила жилищный кризис и продовольственную ситуацию. Стоит согласиться с мнением специалистов, что в начале 1930-х гг. имел место кризис миграционной политики, который возник из-за противоречия между наличием стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения, с одной стороны, и огосударствлением экономики, в том числе сферы труда, с другой. Кризис стал явным результатом преднамеренной стратегии неравномерного развития городского и сельского секторов экономики [Kessler, 2001]. При этом миграционный и продовольственный кризис 1932 г. взаимозависим, поскольку государство оказалось не готово к такому резкому росту городского населения и обострению проблемы снабжения городов. В качестве решения данной проблемы было предложено ужесточить административный контроль в сфере миграции [Моисеенко, 2018. С. 135].

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. Советская власть сначала ликвидировала паспортную систему, но спустя полтора десятилетия пошла на ее введение. В течение трех лет, в 1933–1934 гг., 56 млн чел. получили внутренние паспорта². Паспортизация проводилась на основании серии решений Политбюро ЦК ВКП(б), постановлений ЦИК и СНК СССР и приказов ОГПУ, принятых в период с ноября 1932 по август 1933 г., носящих как открытый, так и секретный характер. Проработка вопроса о введении в СССР внутренних паспортов проводилась ОГПУ СССР по поручению Политбюро, для чего была создана особая комиссия по паспортной

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199–201.

системе и разгрузке городов, руководил которой заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. Комиссия изучила существовавшую в Российской империи систему учета и регистрации населения, а также зарубежный опыт и сложившиеся в СССР нормативно-правовые основы и практики в этой области³. Реализация задач паспортизации была подкреплена реформой милицейского ведомства, ставшего фактически частью ОГПУ.

Власть не афишировала, но и не скрывала цели и задачи, которые решались в связи с началом паспортизации страны. Текущими задачами стали «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата. Вопрос об эффективности созданной системы, с одной стороны, неотделим от изучения механизмов правоприменения и бытовавших практик, с другой – важен в плане оценки последствий ее введения для развития городской экономики, роста уровня жизни населения промышленных центров, новостроек и городов. С точки зрения региональных и местных властей, цель паспортизации состояла в «очистке центральных городов и важнейших промышленных районов от антиобщественного элемента и взятии на учет классово-чуждого, преступного и деклассированного элемента» [Исупов, 2010. С. 191]. Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основание характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения.

Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. В первую волну попали 30 режимных городов, в том числе Москва и Ленинград со 100-километровой меридианной зоной, западные и дальневосточные приграничные территории. Вслед за ними паспортизацию провели в городах и поселениях городского типа, в зоне от-

³ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 6. С. 104.

чуждения 22 важнейших железных дорог, на приграничных территориях и частично в сельской местности. Этапы паспортизации территории Западно-Сибирского края определялись на основе экономических приоритетов. В первую волну (весна 1933 г.) попали четыре города Кузбасса, которые получали статус режимных. Остальные города края, а также зона отчуждения Томской и Омской железных дорог, а также приграничье с Тану-Туовой и Монголией, проходили как нережимные территории, и паспортизация здесь началась осенью 1933 г. Кампания должна была завершиться к концу 1933 г., но в реальности заняла большую часть 1934 г.

Согласно постановлению СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861⁴, статус режимных получили города Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск, население которых было занято преимущественно в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. При этом для трех режимных городов Кузбасса (Анжеро-Судженск, Сталинск/Новокузнецк, Прокопьевск) это стало лишь подтверждением соответствующего статуса, полученного еще в 1931 г. Анжеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск и Сталинск характеризовались как города, имеющие сельскую местность. Анализ данных локальной переписи городского населения Кузбасса 1931 г. показывает, что среди новоселов, проживавших в городах региона менее трех лет, доля выходцев из села составляла 87 % [Исупов, 2018. С. 19], что подтверждает тезис о стихийном характере складывания регионального рынка труда. Региональные городские переписи 1931–1932 гг. позволяют оценить численность городского населения страны, но, заметим, их данные существенно расходятся с данными о численности населения городов периода паспортизации. Согласно данным переписи городского населения, проведенной весной 1931 г. в Кузбассе, численность Сталинска оценивалась в 45 тыс. чел., Прокопьевска – 54, Анжеро-Судженска – 54,5, Ленинск-Кузнецка – 39 тыс. чел.⁵

На деле власти оценивали население Сталинска приблизительно в 185–200 тыс. чел., в том числе на площадках Кузнецкстроя количество занятых составляло 92 тыс. чел. В ходе паспортизации власти

⁴ Собрание Законов СССР (СЗ СССР). 1932. № 84. Ст. 516.

⁵ Кузбасс: Результаты переписи гор. населения 1931 г. Новосибирск, 1931. 44 с.

повсеместно столкнулись с тем, что официальная численность городского населения, в том числе работающего, оказалась сильно заниженной. Так, например, в ходе составления списка работающих на площадке КМК выяснилось, что учет рабсилы фактически не ведется, при устройстве на работу документы изымались, зачастую оказывались просто утеряны⁶.

Паспортизация наглядно показала, что городские власти, имея весьма противоречивые представления о численности проживающего населения, также затрудняются четко определить границы города, зачастую относя рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты к городам, не имеют планов и карт городской застройки, особенно когда речь идет о так называемых «нахаловках». Специфика ситуации определялась и тем, что шахты находились на расстоянии 10–30 км от городов, при этом рабочие поселки и поселения при шахтах составляли единый комплекс. Так, Осиновские угольные копи относились к Сталинску, Киселевские – к Киселевску, Барзасские сапропелиты – к Кемерово. Зона Анжерки, Прокопьевска и Сталинска была зоной трудпоселков и лагпунктов, в которых суммарно могло находиться более 6 тыс. семей ссыльных и около 5 тыс. заключенных, занятых на стройке и в шахтах [Бикметов, 2004. С. 113].

Паспортизацию в соответствии с решением руководства Запсибкрая от 23 февраля 1933 г. в режимных городах планировалось провести с марта по середину мая 1933 г. Городские власти были ознакомлены с ним 24–25 февраля, 26 февраля изданы решения горсоветов. Основная роль в проведении кампании возлагалась на милицию. Мобилизация прошла и среди местных чекистов: из Новосибирска прибыла команда сотрудников Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по ЗСК. В городах вводился режим повышенной готовности. Сиблагу было поручено всех заключенных, занятых на производстве, поселить в отдельных бараках, не допуская в дальнейшем их дисперсное проживание. То же самое сделано в отношении спецпоселенцев.

Основная предварительная работа сводилась к обработке учетных данных и составлению списков «лишенцев», ссыльных, лиц с судимостью, раскулаченных и так называемых социально-вредных

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 8.

элементов, к которым относили в первую очередь неработающих и лиц с девиантным поведением. Списки передавались в паспортные столы и отделения. К работе были привлечены городские адресные столы, работники уличных и домовых комитетов. Так как получение работающим населением паспортов планировалось организовать преимущественно на производстве, составлялись списки работающих с указанием места жительства. Временные паспортные столы учреждались по производственному принципу – по цехам и шахтам, для неорганизованного населения и служащих – по территориальному, в зависимости от места службы или жительства. В Сталинске было создано сначала 19 пунктов, потом их число возросло до 22: 11 из них были общегородскими, 9 – производственными (например, коксовый и мартеновский цеха КМК) и 2 – для населения пригородных совхозов. В Прокопьевске и Ленинск-Кузнецке работало по 10 паспортных столов в каждом, в Анжеро-Судженске – 14. Первыми в очереди на получение документов стояли ударники производства, но члены их семей получали документы в обычном порядке в общегражданских паспортных пунктах. Существовали особые пункты для выдачи паспортов партийно-советской и хозяйственной номенклатуре, руководящим сотрудникам силовых структур и военнизированных подразделений.

Единственная информация в прессе о начавшейся паспортизации в Кузбассе прошла 1 марта 1933 г. Несколько фраз о подготовке к выдаче паспортов в Сталинске опубликовала главная газета края «Советская Сибирь»⁷. В заметке упоминалось, что паспортизация в городе закончится уже 1 мая. Фактически вся агитационно-массовая работа в рамках паспортизации сводилась к информационно-пропагандистским выступлениям на производстве и собраниях актива, регламент которых предусматривал вопросы и обсуждения, естественно только в позитивном духе. Горкомы разрабатывали свои средства агитации, но в основном использовали спущенные из Центра типовые лозунги. Несмотря на ограниченный формат пропагандистской кампании, следует отметить, что какая-то информация о ходе паспортизации все-таки доходила до населения, в то время как обмен паспортов в 1936–1937 гг. проходил в условиях полного информационного вакуума. Судить о дина-

⁷ В Сталинске началась подготовка к выдаче паспортов // Советская Сибирь. 1933. № 47 (4030). 1 марта. С. 3.

мике паспортизации и масштабах миграции в городах позволяють данные милиции. Отчеты о ходе кампании предоставлялись в типовой форме всеми регионами, где она проводилась. Ход паспортизации подробно отражен в спецсводках и сводных отчетах милиции за 1933–1934 гг., которые готовились на местах каждые пять дней. Эти уникальные источники практически не выявлены и не введены в научный оборот. В сводках информация аккумулировалась по четырем позициям: 1) количество выданных паспортов и временных удостоверений; 2) количество отказов в выдаче паспорта с разбивкой по категориям; 3) количество выданных паспортов после жалоб граждан; 4) количество выбывших, которым отказано в выдаче паспорта. Напомним, что выдавались документы четырех видов, а именно: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и «сомнительные» удостоверения).

Имеющиеся материалы позволяют судить о количестве бежавших, «отказников» и высланных в добровольно-принудительном порядке. Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании. О его наличии свидетельствуют:

- данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства;
- рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки;
- повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства;
- массовая распродажа имущества.

В ходе обходов пригородов и промзон было обнаружено, что только за первые три дня паспортизации в Сталинске, где насчитывалась около 6 тыс. землянок, оказались брошенными 343, в которых числилось 388 семей (1437 чел.)⁸. За следующие пять дней количество брошенных землянок увеличилось до 445, число семей – до 608, проживающих – до 2210 чел.⁹ За вторую половину марта было брошено еще 923 землянки, в которых жили 1172 семьи (4916 чел.)¹⁰.

⁸ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 29.

Суммарный отток за март превысил 7,1 тыс. чел. К середине апреля общее число брошенного жилья оценивалось в 1100 землянок, а на 25 апреля эта цифра выросла до 1970. Большинство выезжали ночью, жилье обычно просто бросали, в силу чего оно резко падало в цене. Рыночная стоимость землянок снизилась с 500–700 и даже 1000 руб. до 100, нередко до 50–25 руб. В целом, по данным милиции, на начало мая Сталинск покинуло не менее 10 тыс. чел. Количество уехавших в трех других городах превысило 17 тыс.¹¹

Данные по самовольному оттоку населения из городов существенно превосходят статистику милиции о числе выселенных в связи с невыдачей паспортов. Секретный раздел инструкции о выдаче 1933 г. устанавливал ограничения на выдачу паспортов и пропуску в режимных местностях для нескольких групп населения, а именно: лиц, лишенных избирательных прав; раскулаченных и отправленных на поселение; судимых по политическим и ряду уголовных статей; не занятых общественно-полезным трудом и «дезорганизаторов производства», под которыми понимались лица, допустившие самовольный уход с производства или отработки, а также уволенные за нарушение трудовой дисциплины, в том числе прогулы. В списке оказались и так называемые перебежчики, к числу которых относились лица, незаконно прибывшие на территорию СССР, а также иждивенцы тех, кто не получил паспорта¹². Исключения были предусмотрены для специалистов, служителей религиозных конфессий, а также сезонных рабочих.

Статус режимных городов, особенно тех, где располагались новостройки, существенно осложнял наем отходников. Массовый набор работников на производство разрешался только через оргнабор. В сентябре 1934 г. правительство все-таки разрешило принимать на работу в паспортизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами¹³. Но уже в начале 1935 г. законодательство ужесточили в плане требования получения паспорта до выезда на сезонную работу¹⁴. В нережимных городах допускалось получение паспортов «лишенцами», выехав-

¹¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 128.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9401. Он. 12. Д. 137. Л. 59–60.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149.

¹⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 116.

шими из режимных городов и территорий, но только для тех из них, кто мог доказать наличие работы и стажа не менее пяти лет. В марте 1935 г. эта норма была отменена постановлением правительства СССР.

Имеющиеся материалы милиции также позволяют судить о количестве лиц, не получивших паспорта и высланных в добровольно-принудительном порядке. Согласно отчетам, из режимных городов было выслано 4189 чел., в том числе 155 чел. в принудительном порядке¹⁵. При этом паспорта не получили 6591 чел.¹⁶ Анализ состава отказников указывает на то, что паспорта не выдавали преимущественно тем, кто не смог доказать свою трудовую занятость или подтвердить социальный статус. Получившие отказ в выдаче паспорта подлежали выселению в 10-дневный срок. Циркуляр ОГПУ № 96 в августе 1933 г.¹⁷ предписывал формировать «тройки» при региональных Полномочных представительствах (ПП) ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперотдела ПП ОГПУ. Оформление и рассмотрение дел должны были занимать не более трех суток. Отказ в выдаче паспорта можно было обжаловать в комиссии при горсовете, и в среднем около 30 % жалоб удовлетворялось¹⁸ (в общей сложности, по итогам работы городских комиссий, таким образом паспорта получили 815 чел., или каждый десятый¹⁹). После положительного решения дело поступало в пункт паспортизации, где заявитель получал временное удостоверение. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что рассмотрение дела занимало какое-то время, а отказникам грозило выселение.

Согласно итоговым отчетам по четырем режимным городам, в общей сложности паспортные документы разного типа получили чуть менее 214 тыс. чел., в том числе в Сталинске – 99 057, Прокопьевске – 40 638, Ленинск-Кузнецке – 37 741, Анжеро-Судженске – 36 249 чел.²⁰ В целом можно утверждать, что основное количество паспортов было выдано в марте-апреле, с резким (в 6 раз) сокраще-

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 112.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 112 об.

²⁰ Там же. Л. 119.

нием в первой половине мая и колебаниями в диапазоне от тысячи до полутора тысяч в течение каждой последующей пятидневки. Пяту часть выдаваемых документов составляли временные удостоверения и годовичные паспорта.

Паспортизация означала введение и поддержание паспортного режима, основанного на механизме прописки по месту жительства и соблюдении правил проживания, которые определялись статусом поселения или территории. Прописку в городах ввели в 1925 г., и поначалу она носила уведомительный характер, но с 1928 г. за ее нарушение ввели административную ответственность. Для территорий, где проходила паспортизация, она стала обязательной. Процесс прописки в Кузбассе начали с опозданием: в Сталинске – с середины мая, в Прокопьевске – с июня, в Анжеро-Судженске и Ленинск-Кузнецке – с середины июля 1933 г.²¹ Домовые книги и приписные бланки в срочном порядке были отпечатаны в городских типографиях. В кампании, на проведение которой отводился месяц, были задействованы в основном сотрудники паспортных столов, которых переключили с выдачи паспортов на прописку. За месяц в Анжеро-Судженске, Ленинск-Кузнецке и Прокопьевске прописали 51 тыс. чел.²²

За незаконное получение паспорта или его подделку давали три года лагерей и пять лет ссылки. В Ленинск-Кузнецке под суд за это попали 43 чел., среди которых оказались и бывшие кулаки, и рабочие²³. За нарушение паспортного режима – проживание без прописки и паспорта, в местностях, где вводилась паспортная система, на нарушителей налагался штраф в 100 руб. или исправительные работы сроком до 30 дней. Повторное нарушение влекло за собой уголовную ответственность. Включенная в 1934 г. указом ВЦИК и СНК РСФСР в Уголовный кодекс 1926 г. статья 192а предусматривала за такое правонарушение лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до шести месяцев²⁴.

Большой интерес представляет анализ хода паспортизации населения в так называемых нережимных зонах. В зависимости от

²¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 94.

²² Там же. Л. 132.

²³ Там же. Л. 130.

²⁴ Собрание Узаконений (СУ). 1923. № 54. Ст. 530.

экономического потенциала, численности населения и территориальных особенностей города и районы Запсибкрая, отнесенные к нережимным, были разбиты на три группы. Датой начала паспортизации для первой группы названо 1 октября, для второй – 20 октября и третьей – 5 ноября 1933 г. Все три волны завершились в конце 1933 – январе 1934 г. Города Кемерово и Киселевск с прилегающей к ним сельской местностью, а также г. Тайга были отнесены к первой группе и их паспортизация началась с 1 октября 1933 г. При этом различные районы одной области могли относиться к разным группам. Так, к концу 1933 г. на ст. Тайга было выдано более 10 тыс. документов, в Уч-Пристани – намного меньше, 4,3 тыс. При этом в Тайге процент «социально-чуждых» доходил до 6,6 %, а в Уч-Пристани – 0,7 %²⁵.

В начале 1930-х гг. в Кузбассе шло активное железнодорожное строительство, ориентированное на создание транспортных коридоров для вывоза из региона угля и металла. Томская железная дорога считалась одной из крупнейших в стране по протяженности и грузообороту, включая в себя, помимо Кемерово, Ленинск-Кузнецка, Новокузнецка, Прокопьевска, такие станции, как Топки, Юрга, Белово. Тем не менее дорога, в зоне ответственности которой паспортизация прошла в 1933–1934 гг., попала лишь в третью группу²⁶. Транспортные органы дороги внепланово получили порядка 150 тыс. паспортов²⁷, что закономерно передвинуло сроки завершения паспортизации в остальных районах Запсибкрая.

В 1933 г. властям удалось резко снизить масштаб миграции в города, но это обострило ситуацию на рынке труда. Выборочное введение паспортной системы в СССР продемонстрировало многоступенчатую иерархию стратегических приоритетов власти при оценке роли регионов и территорий. Одновременно произошло разделение граждан на паспортизированных и беспаспортных, что усугубило дискриминацию и неравенство. К сожалению, в силу слабой изученности как самого механизма, так и результатов паспортизации на региональном уровне, дать количественные и ка-

²⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 160. Л. 155.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 10–41.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. Л. 154 об.

чественные оценки всех ее аспектов на данный момент не представляется возможным.

Литература

Бикметов Р.С. Трудпоселенцы на шахтах Кузбасса (1930–1950 гг.) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2004. № 1 (38). С. 113–121.

Исупов В.А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. 2010. С. 188–200.

Исупов В.А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.

Моисеенко В. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 122–146.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 1. 398 с.

Kessler G. The Passport System and State Control over Population Displacement in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2. Vol. 22. P. 477–504.